

**«Посеешь ветер...»
Власть и разночинная интеллигенция
пореформенной эпохи**

Подготовка и проведение крестьянской реформы вызвала в русском обществе настоящую «лихорадку мысли». Поборников прогресса бросало от самых радужных надежд на добрую волю царя-Освободителя до самого мрачного скептицизма по отношению к правительственным начинаниям. К этой, последней, позиции все более склонялись представители нового поколения интеллигентной молодежи, стремившейся «жить и действовать в видах общечеловеческой пользы».

К середине 60-х годов явно обнаружилось перепроизводство образованных кадров, которые оказывались потенциально опасными для существующей социальной системы. Причем к этому с неизбежностью вела политика самого правительства. Государство следовало обеспечить просвещенными работниками, без которых немислимо его процветание. Но где взять верноподданных, благонамеренных и в то же время европейски образованных чиновников, если западное просвещение содержит столь разрушительные начала, что с конца XVIII века Европу, не переставая, сотрясают политические бури? К тому же, потребности страны, еще только вступавшей на капиталистические рельсы, не могли поглотить весь «мыслящий пролетариат». Подобная ситуация наблюдалась и в других государствах со схожим уровнем социально-экономического развития. Например, основную причину высокого революционного потенциала Италии Михаил Бакунин видел в наличии «молодежи горячей, энергичной, совершенно без места в жизни, без видов на карьеру, без выхода...»¹

Охранители системы неизменно стремились предотвратить какие бы то ни было потрясения, «предупредить» возможные преступления, но в действительности всегда на шаг отставали от развития общественного движения. Спыхватились, что в России «огромное число студентов не имеет

никаких средств к жизни», и всерьез задумались, чем это грозит, только когда пережили истерику нечаевщины.

Положению студенчества в отчете III отделения за 1869 год посвящен целый раздел. «За тысячи верст, со всех концов нашего обширного отечества, стекаются в Петербург молодые люди искать высшего образования. Собственных средств у многих едва хватает на дорогу, и они льстят себя надеждою, что в большом городе им нетрудно будет кормить себя уроками. Эта надежда если и сбывается, то большею частию не скоро и не в достаточной мере, чтобы обеспечить существование студента.

...Нищета, с вытекающими из нее физическими и нравственными страданиями, и, с другой стороны, вид столичной роскоши — ожесточают молодого человека, и он ... дает веру коварным наущениям людей, которые указывают ему на существующий общественный и государственный строй, как на источник всех бед его и ему подобных.

...Провлачив год или два бедственную, почти нищенскую жизнь, не досчитываясь некоторых товарищей, умерших от порождаемых нуждою болезней, многие студенты оставляют заведения и идут приискивать себе пропитание на другом поприще, внося в новую деятельность глубоко засеянные семена озлобления против правительства, мнимого виновника их злополучия, и запас противугосударственных лжеучений»².

И при таком состоянии вещей правительство считало возможным ограничивать число освобожденных от платы за обучение; запрещать публичные лекции и концерты, доходы от которых чаще всего шли в пользу беднейших студентов; закрывать библиотеки и кассы взаимопомощи; и вообще всемерно препятствовать развитию студенческой корпоративности. Делалось все это в интересах надзора, из опасения «как бы чего не вышло», серьезно осложняя студентам жизнь и вызывая вполне оправданное недовольство.

К примеру, наш первый революционный террорист Дмитрий Каракозов, ставший осенью 1864 года студентом Московского университета, получал из Пензенской губернии от родных «крайне ограниченное

содержание» и жил грошовыми уроками. «В виду невзноса платы» за обучение, в первое полугодие 1865-го — 1866 года из Университета он был «уволен». Оставшись не у дел, представители молодого поколения нередко обращались к разного рода играм «в конспирации», что еще более осложняло для них проблему поиска своей социальной ниши. Противоречие высочайшей самооценки и социальной неприкаянности — синдром разночинца — вызывало истинно разночинское (деклассированного, по сути, элемента) стремление перевернуть все вверх дном, чтобы «кто был ничем — стал всем».

Реакция властей на такое неслыханное событие, как покушение Каракозова на цареубийство, была вполне предсказуемой. Шеф жандармов и главноуправляющий III отделением Василий Андреевич Долгоруков подал в отставку. Петр Андреевич Шувалов, принявший этот пост, немедленно направил на высочайшее имя докладную записку о мерах к восстановлению порядка в империи, которая предусматривала, прежде всего, реформирование системы политического розыска. «Главная цель преобразования, — писал Шувалов, — состоит в том, чтобы по мере возможности, образовать политические полиции там, где они не существуют, и сосредоточить существующую полицию в III отделении Вашего Императорского Величества канцелярии, для единства их действий и для того, чтобы можно было точно и однообразно для целой империи определять, какие стремления признаются правительством вредными и какие способы надлежит принимать для противодействия им»³.

Ответ на вопрос о том, «какие стремления признаются правительством вредными», должен был дать аналитический процесс, всколыхнувшийся у подножия трона вслед за событиями 4 апреля 1866 года. Вот пример типичных околоправительственных размышлений — записка тайного советника барона Врангеля «об учении нигилистов и коммунистов».

«...Учение это направлено сперва к уничтожению всеми средствами существующих правительств и установленного ими порядка и образованию

затем республики на началах полного нравственного, личного и имущественного равноправия ее членов.

...При всей очевидной неосуществимости изложенного учения, оно представляется особенно опасным потому, что подобно медленно, но смертельно действующим ядам, оно незаметно проникает в разные сословия государств, скрываясь под самыми благовидными и общепольными намерениями...

[...]

...За границей первым рассадником начал коммунизма было сословие рабочих; наше сословие рабочих менее образовано и сравнительно более обеспечено в материальных потребностях жизни, а потому на него и нельзя было действовать непосредственно; надобно было избрать проводниками пропаганды лиц более образованных, но вместе с тем нуждающихся в средствах и долженствующих существовать собственным трудом. Подобные люди нашлись в числе лиц еще учащихся и оканчивающих свое образование, в числе таких, которые по каким-либо причинам не могли окончить свое образование и должны были оставить заведения, или если и окончили курсы, то не имеют определенных для существования занятий и наконец в числе тех, которые хотя и имеют более или менее обеспеченные средства к жизни, но по складу ума и воображения способны увлекаться различными утопиями.

... Вследствие сего, для предупреждения большего распространения обнаруженного в нашем Отечестве зла необходимо было бы принять нижеследующие меры:

1. Разъяснить надлежащим образом вред и опасность для общего строя государства, происходящие от принятия его подданными и распространения в среде их преступного учения коммунизма и потому установить в законах строгие меры взысканий, однородные с мерами наказания за действия, клонящиеся к низвержению существующего правительства, за поступки, доказывающие принадлежность к последователям сего учения или участие в приготовительных мерах к распространению оногo.

2. Воспретить устройство без ведома и согласия правительства всяких ассоциаций, артелей или собраний, для каких бы целей они ни предполагались, а за направлением существующих учредить самый строгий секретный надзор, и

3. Установить тщательное и незаметное наблюдение за направлением, даваемым в школах, гимназиях, семинариях, университетах и проч. заведениях воспитателями и профессорами, за системою их преподавания и за духом, развиваемым в среде воспитанников и вольнослушателей.

Все эти меры, соединенные с постоянным наблюдением за пресечением путей, проводящих к нам из заграницы учение коммунизма, не могут не иметь значительного влияния на ослабление пропаганды этого гибельного учения»⁴.

В сущности, ничего нового: многоветвистые корни крамолы тянутся на Запад, откуда некие злонамеренные предводители партии коммунистов регулярно засылают в Россию своих эмиссаров. Практические предложения сводятся тоже, как обычно, к тому, чтобы «тащить и не пущать». Однако на полях этого сочинения Александр II начертал: «Меры эти признаю необходимыми».

Рескриптом 13 мая 1866 года на имя вице-председателя Государственного совета князя П.П. Гагарина император распорядился навести в стране порядок. Репрессии обрушились на демократическую печать, были закрыты «Современник» и «Русское слово». Подверглись ограничению права земств и были расширены полномочия губернаторов. Ужесточился надзор за высшей школой, студенчеством и молодежью вообще.

На столичных улицах стало небезопасно появляться «по-нигилистически» одетыми, ибо, по мнению высшей полиции, «со дня преступления 4 апреля, среда, воспитавшая злодея, клеймена в понятии всех благомыслящих людей; а потому, и ношение костюма, ей присвоенного, не может, в глазах блюстителей общественного порядка, не считаться

дерзостию, заслуживающею не только порицания, но и преследования»⁵. Стриженных барышень в синих очках, круглых шляпах и платьях без кринолина предлагалось препровождать в полицейское управление и брать с них подписку о «неношении помянутой одежды». В противном случае преступницам грозила немедленная высылка из столицы административным порядком с учреждением за ними строгого наблюдения. Что уж говорить о тех, кто был замечен в более серьезных проступках и признан распространителем губительных западных теорий.

Неминуемый арест ожидал также тех, кто стремился «уплатить долг народу», как, например, члены «Рублевого Общества» (конец 1867 — весна 1868), среди которых, кстати, был Герман Лопатин — тот самый, который после дегаевско-судейкинского погрома начала 80-х пытался реанимировать «Народную Волю». Молодые люди собирались сделаться кочующими сельскими учителями. Попутно они планировали беседовать с крестьянами на исторические и политические темы, распространять литературу — исключительно легальную и провести подворное статистическое описание. Судя по их показаниям, несостоявшиеся просветители хотели ознакомить крестьян с действительно небесполезным в народной жизни вещами. Среди них арифметика и счетоводство, домашняя гигиена и ветеринарное искусство, практическая геометрия и межевание; основные понятия по географии и истории; основы отечественного законодательства и важнейшие подробности последних реформ; отрывки из лучших литературных произведений. «Единственным нелегальным пунктом в нашей программе было собирание фактов, наблюдений и опытов по вопросу о том, насколько наш простой народ доступен антиправительственной пропаганде, — так как этот вопрос был в то время очень спорным для нас...»⁶

Власти вмешались раньше, чем все это вышло из области фантазий. До суда не дошло, члены «Рублевого Общества» отделались разными сроками административной ссылки. Так поступали всегда, когда отсутствовал формальный состав преступления — нельзя же, в самом деле, судить за

намерения. А наказывать можно и должно. Голос трезво мыслящих людей, которые призывали не раздувать дел до несвойственных им размеров, на вершинах власти услышан не был. Жесткими мерами правительство только увеличивало массу наэлектризованного и недовольного «мыслящего пролетариата».

Кстати, не стоит забывать, что даже при отсутствии прямых распоряжений высшего начальства, которые отличались бы держимордовской глупостью, начальство низшее на Руси испокон веков чрезвычайно ретиво. В архивах III отделения сохранилась масса дел об «удалении от должностей учителей народных училищ за вредное их направление». Например, учитель всенародного 3-х классного Белевского училища Дмитрий Никанорович Воейков был уволен за то, что «во время возвращения крестного хода с Иордани, став на возвышенном месте большой улицы и облокотясь на перила, все время не снимал с головы своей шляпы, рисовался своим неуважением к святыне»⁷. Хотя, наверное, просто стояли крещенские морозы. Преподаватель Белгородской семинарии Василий Сланский лишился места в связи с донесением помощника начальника Курского губернского жандармского управления о том, что «в нравственности Сланского обнаруживается направление к нигилизму, в выражениях его проявляется несочувствие к установленному порядку, вообще по испорченности характера и дурному направлению личность неблагонадежная...»⁸ Никакой конкретики это сообщение не содержит. А ведь таких подозрительных лиц обычно отстраняли от должности с дальнейшим «недопущением к обучению и воспитанию юношества как в учебных заведениях, городских и сельских, так и в частных домах», лишая возможности зарабатывать на жизнь тем трудом, к которому они готовились.

Неудовлетворенность, нетерпение и нетерпимость становились спутниками «нового человека». III отделение — «око Государево» — не разглядело мирного, созидательного потенциала деятельности разночинной интеллигенции. Правительство, которому повсюду мерещилась революция,

само множило ряды тех, кто оказывался «наименее заинтересованным в сохранении существующего строя».

Не думаю, что мне удалось сказать что-то особенно новое. И, безусловно, в том, что оппозиция обернулась революцией, а революция террором нельзя обвинять только власти, для этого в среде будущих народовольцев существовали и внутренние причины социально-психологического свойства. Но все же «репрессии, непропорциональные преступлениям», надолго вырывая молодых людей из мирной обыденности, лишь укрепляли их решимость идти по революционному пути. Реакция властей была столь же неадекватной, сколь и недальновидной, хотя именно в первые десятилетия после Великой реформы существовала реальная возможность направить энергию молодого поколения в мирное русло.

¹ Цит. по: С. Г. Сватиков. Студенческое движение 1869 г. (Бакунин и Нечаев) \ \ «Наша страна». 1907. № 1. С. 238.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 34. Л.15—16 об.

³ «Былое». Спб. 1907. № 1. С. 236—237.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1866 г. Д. 131. Л. 6—11 об.

⁵ ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1866 г. Д. 131. Л. 1—1 об.

⁶ Лопатин Г.А. Автобиография (1845—1918). Показания и письма. Статьи и стихотворения. Пг. 1922. С. 9.

⁷ ГА РФ. Ф. 109. 1872 г. Д. 13. Л. 1.

⁸ ГА РФ. Ф. 109. 1870 г. Д. 15. Л. 1.